

Ракош Франц Иосифович

Революционное правосудие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франц Иосифович Р.**
Революционное правосудие / Ракош Франц Иосифович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
48 с.

ISBN 978-5-519-80286-4

ISBN 978-5-519-80286-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1. Классовый характер правосудия.

В эпоху первобытного коммунистического общества человечество еще не знало проблемы государства; ему не приходилось ломать себе голову над разрешением вопроса о разделении государственных властей. Нормы родового быта определялись рамками человеческого общежития; мужчины и женщины пользовались, согласно этим нормам, одинаковыми правами ¹⁾. В первобытной коммунистической общине — разумеется, в соответствии с господствовавшими в те времена простейшими отношениями — существовало общественное производство, планомерное распределение работы и доходов ²⁾. Известная часть доходов (от охоты, рыболовства, земледелия) отчислялась в пользу тех, кто находился на попечении общества: вдов, детей и старцев. Власть принадлежала нераздельно всему роду и осуществлялась на собраниях всех его членов. Эти собрания выносили различные постановления, издавали законы, следили за их исполнением, отправляли правосудие.

С развитием товарообмена, древний родовой быт распался, и на его развалинах образовалось государство — обособленная от общества, как такового, организация, вредящая и противоречащая его интересам, организация, основанная на насилии и охватывающая собою не все общество в целом, а только имущих и дворян, противопоставляя им бесправных плебеев и рабов. Одновременно с государством развивались и органы насилия — полиция и суд. Правящее меньшинство употребляло государственную власть для защиты

¹⁾ Фридрих Энгельс: «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

²⁾ Карл Каутский: «Экономическое учение Карла Маркса».

овоих классовых интересов, для сохранения существующего классового господства. Этой же цели служили и выделившиеся, в качестве самостоятельной власти, судебные учреждения.

Правосудие является в руках правящего меньшинства орудием террора по отношению к большинству населения; правящее меньшинство беспощадно применяет это орудие для защиты своих собственных классовых интересов. В процессе дальнейшего развития стремящаяся к самосохранению государственная власть начинает обнаруживать свое несоответствие с экономическим строением общества. Правящий класс, судорожно цепляющийся за устаревшую, в связи с новыми производственными перспективами, правовую систему, вступает в коллизию с эксплуатируемыми классами, требующими новой, соответствующей современному производству, правовой системы и нового государственного устройства. Эта коллизия принимает особенно резкие формы во время революции, которая коренным образом изменяет и до основания сокрушает развивавшиеся в течение ряда столетий и окостеневшие учреждения. Революция уничтожает и старый классовый суд. Освобождающиеся, при первом ее вихре, живые творческие силы народа стремительно ищут для себя приложения. И совершенно так же, как и в первобытном коммунистическом обществе, народ рассматривает себя, как неограниченного властелина, опрокидывает теорию разделения властей и сам осуществляет всю полноту власти, а вместе с тем и правосудие — при помощи избираемых судей. Во время Великой Французской Революции вооруженный народ разогнал парламенты (классовые суды дворянства), и организовавшееся в коммуны население само избирало должностных лиц судебного ведомства ¹⁾. С тех пор это наблюдается в истории каждой революции.

Буржуазные революции — революции меньшинства; несмотря на то, что они означают известный политический, правовой, экономический и моральный сдвиг, они все же не устраняют угнетения и эксплуатации широких масс. Новое меньшинство, захватив власть, устанавливает свое собственное господство на месте прежнего. Правящее меньшинство пользуется, для организации и укрепления своего господства, своей экономической гегемонии, всеми теми средствами,

¹⁾ *Петр Кропоткин: «Французская революция».*

которые предоставляет в его распоряжение власть. Стоящий у власти класс создает государственный аппарат, отвечающий его интересам и содействующий утверждению его господства над классами угнетаемыми и борющимися за свое освобождение. Основные функции государственной власти — законодательство, управление и правосудие — обнаруживают, с государственно-правовой точки зрения, то соотношение сил, которое определяет собой положение классов. Этот процесс кристаллизации повторяется в истории государств после каждой революции. Сбит только, под ударами революционных сил, разлететься прогнившим устоям прежнего классового государства, как новый класс, захватив власть, стремится лихорадочным темпом преобразовать государственный строй в своих собственных интересах. «Все революции сводились до сих пор к тому, что один класс должен был уступать господство другому; при этом господствующий класс всегда составлял лишь незначительное меньшинство, в сравнении с подчиненной народной массой. Так свергалось одно правящее меньшинство, а на его месте другое меньшинство захватывало кормило власти и изменяло государственные учреждения согласно своим интересам», — говорит Энгельс в своем введении к сочинению Маркса — «Классовая борьба во Франции» ¹⁾. До тех пор, пока получившее господство меньшинство не преобразовало государственной власти согласно своим классовым интересам, до тех пор; пока реорганизация государственного строя не закончилась, положение правящего меньшинства не может считаться прочным; и до тех пор не могут считаться прочными и завоевания революции, так как государственная власть, по своему происхождению, по своей природе, представляет собой реакционную силу, способствующую реставрации свергнутого класса. Радикальное преобразование государственной власти является, поэтому, для революции основным вопросом ее существования.

Революция устанавливает новое соотношение сил, стремящихся, в свою очередь, к самосохранению. Для закрепления созданного революцией нового положения необходимы новые правовые нормы, новые правовые институты, противопоставляемые тяготеющим к реставрации силам, сохранившимся в унаследованном от старого

¹⁾ *Карл Маркс: «Классовая борьба во Франции». Введение Энгельса. Берлин, 1911 г. (Русск. изд. Изд-ва Союза Коммун Сев. Области, 1919 г., стр. 7.)*

строю государственном аппарате. Эти новые правовые нормы, новые правовые институты реформируют государственную власть в соответствии с пожеланиями и интересами правящих классов.

«Современная государственная власть есть не что иное, как комитет, управляющий общественными делами всего класса буржуазии» ¹⁾.

Блестителями правовых норм, правовых институтов, охраняющих господство правящего класса, являются органы правосудия, судебные учреждения. Суды призваны применять выдвигаемую правящим классом идеологию властвования при разрешении конфликтов и коллизий, возникающих в процессе повседневной жизни. Господствующий класс защищает свои правовые нормы, учреждения и интересы при помощи террора (смертной казни, тюремного заключения, принудительных работ, денежных штрафов и т. д.), осуществляемого судебными учреждениями. Этот царящий в судах классовый террор обрушивается всей своей тяжестью на эксплуатируемые, борющиеся за свое политическое и экономическое освобождение, классы. При помощи террора — наказаний, палачей и каторги — правящий класс защищает свое господство против революции.

Таким образом, суд является орудием террора, охраняющим власть правящего класса. Юристы демократическо-буржуазного государства пытаются прикрыть эту суровую действительность фиговым листом лозунгов: равенства перед законом и независимого суда. Посмотрим, к чему сводятся на деле эти юридические принципы.

«Равенство перед законом!» — восклицают поклонники закона, опьяненные ложным демократизмом буржуазного государства. Равенство перед законом означает, что каждый является в одинаковой мере ответственным перед судом за свои поступки, независимо от пола, возраста, вероисповедания, убеждений и общественного положения; что каждый несет в одинаковой степени наказание за нарушение присвоенной законам священной неприкосновенности. Но как проявляется равенство перед законом в действительности? Словие применяющих законы судей проникнуто до мозга костей

¹⁾ «Манифест Коммунистической Партии».

буржуазной идеологией и буржуазными традициями. Судьи буржуазного государства являются, по своему происхождению и воспитанию, по своим родственным и общественным связям, плотью от плоти буржуазного общества. Тысячи нитей соединяют их с буржуазией и, в то же самое время, целый мир отделяет их от пролетариата. Таким образом, суд буржуазного государства, по своему составу,—суд классовый. И этот классовый характер судебных учреждений подтверждается тем фактом, что судьи, обычно, относятся к преступникам различно, в зависимости от того, к какому классу последние принадлежат. Но не только одно это обстоятельство придает суду буржуазной демократии резко классовый характер, так как могут быть судьи (и они, действительно, встречаются), сумевшие отрешиться от классового эгоизма, от буржуазных предрассудков. Специфические, неподдельно классовые черты буржуазный суд приобретает, главным образом, благодаря тем законам, которые он призван защищать и применять, которые устанавливают классовое господство буржуазии и ограждаются уголовным уложением и уголовным судом. Отсюда ясно, что суд, применяющий эти законы, представляет собою буржуазное классовое учреждение. Таким же он остается и в том случае, когда члены суда не принадлежат, каждый в отдельности, к буржуазии, ибо, как я уже сказал, классовый характер суда определяется применяемыми им законами. И эта закрепленная в виде системы учреждений классовая самозащита—гораздо реальнее, прочнее и внушительнее той, которая была бы основана исключительно на благоразумии и классовой солидарности отдельных судей. Пусть выносящий приговор судья будет на редкость социально-мыслящим, проникательным, благоразумным человеком, до глубины души проникнутым идеями человеколюбия, мировой скорби и всепрощения; пусть он будет непоколебимо убежден в несправедливости постигшей преступника судьбы, в непригодности применяемого к нему закона: он совершенно бессилен, он лишен всякой возможности поступать согласно своим убеждениям, согласно своему чувству справедливости,—он обязан карать. Закон—железная воля правящего класса—становится ему поперек дороги, и он вынужден покоряться. В итоге, красиво звучащий лозунг «равенство перед законом» означает, на деле и в лучшем случае, только то, что всякий нарушитель закона, охра-

няющего классовые интересы буржуазии, должен предстать перед судом. Более того: судья, проникнутый классовым самосознанием, может наказать нарушителя буржуазного закона, хотя бы последний и сам принадлежал к буржуазному классу, гораздо строже, чем самого злостного противника классовых интересов буржуазии; он может наказать его, как нарушителя солидарности буржуазного класса, как ренегата и предателя. Классовое господство буржуазии—это неприкосновенная святая святых, перед которой каждый должен молитвенно преклонять колена: таков императив законов буржуазного государства. Это свидетельствует о более высокой, более развитой, более рельефной форме классового сознания органов диктатуры правящего класса; интерес, воля отдельного представителя этого класса обращаются в ничто под давлением железного террора всего класса в целом.

Не состав судебных органов и не то обстоятельство, что обвиняемые, принадлежащие к различным общественным классам, встречают со стороны судей различное к себе отношение, превращают буржуазные суды в классовые учреждения; к этому результату приводят те законы, которые суду приходится применять и ненарушимость которых он должен охранять. И в этом смысле—именно в смысле безусловного обеспечения авторитета буржуазных законов—в буржуазном государстве, действительно, существует равенство перед законом. Все равны перед законом, ибо каждый, и бедный и богатый, несет одинаковую ответственность в том случае, если он нарушит законы, охраняющие интересы буржуазии. Очень метко говорит Анатоль Франс: «Закон запрещает, с одинаковым величием, каждому, и богатому и бедному, спать под мостом».

Другая, чаще всего употребляемая в области буржуазного правосудия нечепица,—это ссыла на независимость суда. Независимость суда означает, что судья должен выносить приговор по своему разумению, по своей совести и убеждению, не считаясь ни с каким бы то ни было внешним давлением или воздействием; что судью нельзя привлекать к ответственности, а тем более наказывать за внешне-закономерное исполнение им своих обязанностей; что суд является органом государственной власти, не только независимым от общества, но даже возвышающимся над ним. Независимость

суда является, в то же время, одним из идолов в храме буржуазной демократии. В сущности же, понятие о независимом суде—только формула, лишенная всякого реального содержания, ибо, как мы уже указывали выше, члены судейского сословия, в силу своего общественного положения, настроены в пользу буржуазии; кроме того, классовое законодательство буржуазного государства заставляет их постановлять приговоры, отвечающие интересам буржуазии. Неверно, поэтому, утверждение, будто судьи выносят свои приговоры совершенно свободно, прислушиваясь только к голосу своей совести, возвышаясь над классовыми законами. До какой степени судьи буржуазного государства проникнуты классовыми интересами буржуазии, ясно показывает пример судебных учреждений самого развитого в политическом отношении государства—могущественной американской демократии. Теория Монтескье о разделении властей нашла наиболее широкое применение в конституции Соединенных Штатов Северной Америки. В этом государстве—в особенности, поскольку дело касается высших судебных учреждений—принцип независимости судей доведен, так сказать, до органического совершенства: судьи избираются там либо пожизненно, либо на двадцать один год; по отношению к другим государственным властям—законодательству и управлению—судебная власть поставлена там не только в одинаковое с ними, но, на самом деле, даже в гораздо более привилегированное положение. Правосудие не подчинено законодательству. Судам предоставлено право производить, в связи с подлежащими их рассмотрению делами, расследование и проверку любого закона, в течение первого года после вступления его в силу, с целью выяснения согласованности его с духом конституции, и, в зависимости от результатов этого расследования, применять или не применять соответствующий закон. Таким образом, американский судья может, игнорируя волю законодателя и народа, самостоятельно толковать конституцию и устанавливать необходимость применения того или иного закона. Теория разделения властей, которая, с организационной точки зрения, была осуществлена в Северной Америке с совершенно исключительной последовательностью, и вытекающий из нее принцип независимости суда привели, однако, на практике к самым нелепым последствиям. Так, например, американские суды отвергли закон о максимальной продолжительности

рабочего дня, несмотря на то, что закон этот был одобрен большинством населения и принят законодательными учреждениями; при этом суды указывали на то, что, по их мнению, установление в законодательном порядке продолжительности рабочего дня противоречит понятию о свободе личности, а следовательно, противоречит и конституции. То обстоятельство, что американские суды «независимы», что они поставлены в равное с законодательными органами положение, препятствовало проведению в жизнь целого ряда социально-политических и других прогрессивных законов ¹⁾. Подобное антисоциальное поведение судов является естественным результатом преданности буржуазных классовых судей интересам буржуазии.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем сделать следующий вывод: правосудие, будучи ветвью государственной власти, представляет собою орудие организованного террора того класса, который в данный момент управляет страной.

В государствах, где царит буржуазная демократия, покорные слуги буржуазии, юристы-идеологи, прикрывают (как уже было отмечено выше) классовый характер правосудия обольстительными лозунгами: равенство перед законом и независимость суда! Эти лозунги не могут быть осуществлены в классовом государстве; они провозглашаются лишь для того, чтобы затуманить действительность, чтобы облечь в туман классовый характер судебных учреждений. Суды буржуазного государства — замаскированные классовые суды; его правосудие — замаскированное классовое правосудие.

Напротив, в тех странах, где победила пролетарская революция, где государство открыто вылило свой классовый характер в форме диктатуры пролетариата, где оно открыто стало пролетарским государством, там суды столь же открыто функционируют в качестве пролетарских классовых учреждений. Пролетариату нет надобности отрицать и скрывать классовый характер своего господства или прикрашивать его подходящими юридическими формулами. Отвергая обманчивый фарисейский лозунг буржуазного государства относительно равенства *всех* перед законом (потому что в проле-

¹⁾ Вильгельм Конштадт: «Американская демократия».

тарском государстве судьи руководствуются пролетарскими классовыми законами), пролетариат отвергает и мираж судебской независимости,—ибо в пролетарском государстве вся власть принадлежит советам, а правосудие является только частью исполнительной власти, одной из функций управления.

II. Организация пролетарских судов.

21 марта 1919 г. венгерский пролетариат взял государственную власть в свои руки и открыто стал на платформу революционной диктатуры. Однако, еще недостаточно просто овладеть милитаристическо-бюрократическим государственным аппаратом, так как, опираясь на этот последний, нельзя создать пролетарское государство и расчистить путь к социализму. Старый аппарат терлет вместе с уничтожением классового господства буржуазии и свое право на существование; дальнейшее сохранение его явилось бы только тормозом, лишним балластом для грандиозной творческой работы пролетариата. «Это доказала, в особенности, Коммуна, выяснив, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»,—писали Маркс и Энгельс 24 июня 1872 г. в своем совместном предисловии к «Манифесту Коммунистической Партии», учитывая опыт Парижской Коммуны. «При следующей попытке французской революции,—пишет Маркс в другом месте,—необходимо: не передавать из одних рук в другие бюрократическо-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте» ¹⁾. Необходимо до основания разрушить укрепленные позиции буржуазии; нельзя, украсив их некоторыми реформами, воспользоваться ими для пужд пролетариата. Надо в корне уничтожить основанную на насилии буржуазную организацию со всем ее чиновничьим аппаратом и на ее место поставить новую революционную организацию, неразрывно связанную с классовыми интере-

¹⁾ Письмо Маркса к Кугельману, написанное им 12 апреля 1871 г., т.-е. в эпоху Парижской Коммуны. Приведенная выдержка заимствована из книги Ленина: «Государство и революция», стр. 50.

сами пролетариата и твердо опирающуюся на его классовое господство.

После 21 марта, после победы венгерской революции, пришлось уничтожить старые судебные учреждения, чтобы заменить их органами пролетарского правосудия. Тут-то и проявился великий революционный инстинкт пролетариата, ясно обнаруживший глубину его классового самосознания, под влиянием которого, не дожидаясь правительственного декрета об упразднении старых судов и об учреждении новых, он создал на всей территории страны свои суды, так-называемые, «революционные трибуналы», и, таким образом, фактически уничтожил одним революционным ударом старые буржуазные классовые суды. В первые же дни революции, еще задолго до опубликования соответствующего декрета, пролетариат организовал советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; он полностью взял в свои руки власть (опять-таки не дожидаясь распоряжения из центра) и, не ломая себе голову над вопросом о разделении властей, учредил суды, как органы управления. Впрочем, то же самое имело место и в России после того, как пролетарская революция одержала там победу.

«По мере того,—говорит Ленин,—как коренной задачей власти станет не военная диктатура, а управление, характерным выражением подчинения и принуждения будет служить не расстрел на месте, а суд» ¹⁾.

Итак, старые буржуазные суды прекратили, собственно говоря, свое существование еще до того, как последовал декрет Совета Народных Комиссаров об их упразднении. Разрушительная работа была выполнена; необходимо было приступить к работе созидательной, к творчеству, к разрешению организационных проблем революции. Революционное самосознание пролетариата создало и в области правосудия свои собственные органы; революционные суды уже существовали в тот момент, когда был издан 4-й декрет Совета Революционного Правительства о революционных трибуналах. Последние были, согласно этому декрету, чрезвычайными судами; их рассмотрению подлежали только те преступные деяния, которые были отнесены специальным декретом Совета Революционного Пра-

¹⁾ Ленин: «Ближайшие задачи Советской власти».